

странно поражает вас...» ([Андреев П. В.]. Заметки о русской литературе прошлого года. — Современник, 1849, № 1, отд. 3, с. 3). Обзор критических отзывов о «Слабом сердце» см.: 2, 477—488; см. также: Замоскин И. И. Ф. М. Достоевский в русской критике, ч. 1. 1846—1881. Варшава, 1913, с. 1—32.

⁵ Ср. позднейшее высказывание Достоевского о Голядкине: «... мой главнейший подпольный тип (падеюсь, что мне простят это хвастовство в силу собственного сознания в художественной неудаче типа)» (Литературное наследство, т. 83. М., 1974, с. 310—311; на близость суждений Дружинина и Достоевского мое внимание обратил В. А. Свительский).

⁶ Имеется в виду герой «Бедных людей» Макар Девушкин.

И. Д. ЯКУБОВИЧ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ОТЗЫВ О ПОВЕСТИ «ДЯДЮШКИН СОН»

«Дядюшкин сон» — первое произведение, с которым Достоевский выступил в печати после каторги. Отзывы о повести, конечно, очень интересовали его. Достоевский неоднократно просил брата передавать ему все мнения: «... прошу тебя, исполни мою просьбу, напиши мне все, что услышишь без утайки о моем романе <...> Пойми, что это для меня чрезвычайно интересно» (П., I, 245). В комментариях к «Дядюшкиному сну» отмечается, что повесть по выходе в свет осталась незамеченной критикой, не было и позднейших прижизненных откликов на нее (2, 514).

Летом 1859 г. Достоевский в письмах к старшему брату дважды упоминает газету «Le Nord»: «Я не получил Le Nord...»; «... получил 2 письма. Первое от Милюкова, с статьей в „Le Nord“... Мне очень хочется ему как можно скорее ответить» (П., II, 599, 600).

«Le Nord» издавалась в Брюсселе. Это была «международная» газета. В каждом ее номере имелся раздел новостей из России. Здесь в № 119 от 29 апреля 1859 г. среди разных новостей из Петербурга имелось сообщение о выходе нового произведения Достоевского «Дядюшкин сон»: «C'est avec une grande satisfaction que nous avons trouvé dans „La Parole russe“ («Rousskoë slovo») un roman de Théodore Dostoïvskii „Un rêve de mon oncle“ («Diaduchkin sone»). Il y a juste dix ans déjà que l'auteur des „Pauvres gens“ ne nous avai plus rien donné. Il est toujours, comme par le passé, humoriste plein de verve et de sensibilité. Il paraît même qu'avec l'âge et l'expérience il a appris à considérer la vie sous un aspect moins triste et moins noir. Il y a plus d'air dans ses tableaux et moins de teintes sombres et de tristesse».¹

¹ «С огромным удовлетворением мы пашли в „Русском слове“ напечатанный роман Федора Достоевского „Дядюшкин сон“. Прошло уже целых десять лет, как автор „Бедных людей“ не выступал перед публикой. Как и раньше, он — юморист, полный воодушевления и чувствительности. Кажется даже, что с годами и испытаниями он научился смотреть на жизнь менее печально и менее мрачно. В его картинах чувствуется более воздуха, меньше темных и печальных черт» (франц.).

Дальше автор статьи подробно излагает сюжет повести. Заканчивается отзыв словами: «Les rédacteurs de la Parole Russe nous promettent dans une de leur prochaines livraisons un nouveau roman du même auteur».² Этот первый и единственный отклик был, по всей вероятности, написан А. П. Милюковым. На это указывает, во-первых, заключающее статью сообщение о выходе его собственной книги: «On dit aussi qu'ils ont fait l'acquisition des impressions de voyage de Milioukoff, qui auront, je crois pour titre „Athènes et Constantinople“»;³ во-вторых (и главное), Милюков послал помер именно этой газете Достоевскому.

В. А. ТУНИМАНОВ

ОБЪЯВЛЕНИЯ РЕДАКЦИИ «ВРЕМЕНИ»

Ф. М. и М. М. Достоевские, приступая к изданию «Времени», придавали огромное значение как первому программному объявлению о подписке на новый журнал, так и специальным, организационным вопросам. История создания первого объявления редакции «Времени» и отклик на него литературных кругов освещены в примечаниях к 18-му тому академического собрания сочинений писателя (18, 229—236). Редакция «Времени», несомненно учтя реакцию журналистов на опубликованное осенью 1860 г. большое объявление, поместила в январской книжке журнала еще одно, дополнительное, в котором, в частности, резко было сказано об отличиях почвенничества от славянофильства (см.: 18, 305—306). Кроме того, в 1861 г. редакция «Времени» особо извещала о тех произведениях, которые, очевидно, по ее мнению, должны были привлечь внимание читателей: об историческом очерке М. И. Семевского «Царница Прасковья» (январь), «Записках из Мертвого дома» (апрель), романе в стихах Я. П. Полонского «Свежее преданье» (май). Наконец, в согласии со всеобщей журнальной программой регулярно помещались в газетах объявления о содержании очередных книжек «Времени», в которых за редкими исключениями давался полный перечень публикуемых материалов, чем и объясняется отсутствие такого рода объявлений, по всей видимости принадлежащих М. М. Достоевскому, в корпусе академического собрания сочинений. Не вошли туда и часто перепечатывавшиеся сокращенные варианты программных объявлений и конторские извещения редакции.

Однако некоторые из этих дополнительных и ежемесячных объявлений расширяют наше представление о первых шагах редакции «Времени», а потому заслуживают внимание исследователя.

² «Редакторы „Русского слова“ обещают нам в следующих книгах новый роман того же автора» (франц.).

³ «Говорят также, что они (редакторы, — И. Я.) приобрели книгу впечатлений Милюкова о его путешествии. Они пойдут, по-видимому, под заглавием: „Афины и Константинополь“» (франц.).

Уже после того как в петербургских и московских газетах были помещены большие и сокращенные объявления о подписке на новый журнал «Время», редакция сочла необходимым выступить со следующим обращением к читателям:

«Желая усилить и сделать по возможности разнообразнее и богаче свой отдел внутренней корреспонденции, редакция приглашает всех сочувствующих прогрессу и разделяющих воззрения ее журнала, доставлять ей известия о всех фактах, стоящих гласности. Вся такая корреспонденция будет поручена редакцией одному опытному литератору и таким образом ежемесячно могла бы составляться полная картина нашей внутренней жизни, сделанная по живым источникам, а не по газетным известиям, большей частью неполным. Всех желающих редакция просит адресовать свои письма просто в редакцию журнала „Время“ в Петербурге. К этой просьбе редакция присовокупляет, что так как по существующим законам ей должны быть известны имена корреспондентов, то она покорнейше просит их подписывать имена свои и не скрывать их под псевдонимами. Редакция лишним считает прибавлять, что без согласия корреспондента имя его ни в каком случае не явится в печати».¹

Это обращение к будущим читателям журнала свидетельствует о большом значении, которое редакция придавала разделу «Внутренние новости». Он был поручен А. У. Порецкому и после майской книжки журнала преобразован в хроника «Наши домашние дела. (Современные заметки)». Редакция «Времени» надеялась на активное участие в делах журнала читателей-корреспондентов, стремилась к постоянным и оживленным контактам с ними. Кстати, позднее, в период издания моножурнала «Дневник писателя», Ф. М. Достоевский установит прямые связи с читателями-корреспондентами, сделает их своего рода его участниками, «сотрудниками».

Известия о выходе январской книжки «Времени», редакция журнала разослала в газеты объявление, в котором было подробно расписано содержание первого номера, а также перепечатана заметка «От редакции». В объявлении обращалось внимание читателей и на наиболее значительные произведения, печатающиеся в февральском номере «Времени». «В февральской книге мы напечатает историческую монографию М. И. Семевского „Царица Прасковья“, не вошедшую по некоторым причинам в первый номер нашего журнала. С февральской же книги, кроме второй части романа Ф. М. Достоевского „Униженные и оскорбленные“, мы начнем печатание другого романа в трех частях одной известной нашей писательницы».²

Объявление об историческом очерке М. И. Семевского было напечатано на задней стороне обложки журнала (январь), но,

¹ С.-Петербургские ведомости, 1860, 17 декабря, № 275, раздел «Библиографические известия».

² Там же, 1861, 8 января, № 6.

очевидно, редакция решила еще раз напомнить об этой публикации, анонсируя февральский номер. «Роман в трех частях одной известной нашей писательницы», о котором в интригующем тоне сообщала редакция, — это «Женская история» Ю. В. Жадовской. Он был напечатан в февральской, мартовской и апрельской книгах журнала.

В апрельской книжке «Времени» были перепечатаны из газеты «Русский мир» «Введение» и четыре главы первой части «Записок из Мертвого дома». В примечании редакция сообщала: «К продолжению этих „Записок“ мы приступим немедленно по окончании романа „Униженные и оскорбленные“». Но еще ранее в объявлении о выходе второй книжки журнала редакция «Времени» известила читателей: «Считаем не лишним уведомить наших читателей, что редакция приобрела полные „Записки из Мертвого дома“, сочинение Ф. М. Достоевского. Публике уже известно, что введение к этим „Запискам“ (пять глав) печатается в настоящем году в журнале „Русский мир“, для которого автор „Записок“ уступил эти первые пять глав. Теперь все сочинение будет принадлежать нашему журналу. Полные „Записки из Мертвого дома“ состоят из двадцати пяти глав, и все сплошь будут напечатаны в нашем журнале в течение настоящего года».³

В этом же объявлении редакция сообщила: «Мы имеем тоже основательную надежду напечатать во „Времени“ в нынешнем же году несколько произведений известнейших и любимейших наших беллетристов». В 1861 г. журнал напечатал «Жизньбу Балзамилова» А. Н. Островского (сентябрь) и «Крестьянские дети» П. А. Некрасова (октябрь). Анонимный характер объявления о произведениях «известнейших и любимейших наших беллетристов» объясняется желанием редакции оставаться верной сформулированному в программе принципу: «Мы не выделяем имен писателей, принимающих участие в нашем издании» (18, 40).

Печатание «Записок из Мертвого дома» было завершено только в 1862 г. Объем книги при этом сократился до двадцати двух глав, включая «Введение».

Возможно, одной из причин, вызвавшей сокращение объема книги, являлись цензурные опасения автора (см. рассказ Достоевского, воспроизведенный А. П. Милоковым в «Литературных встречах и знакомствах»: 4, 233—235). Отчасти были и другие причины, побудившие Достоевского сократить первоначально намечавшийся объем книги. Их объясняет автор-повествователь в 9-й главе («Побег») второй части: «Записывать ли всю эту жизнь, все мои годы в остроге? Не думаю. Если писать по порядку, вяду, все, что случилось и что я видел и испытал в эти годы, можно бы, разумется, еще написать втрое, вчетверо больше глав, чем до сих пор написано. Но такое описание поведоме станет наконец слишком однообразно» (4, 220). К такому выводу Достоевский мог прийти в апреле 1862 г. Но годом ранее пи-

³ Там же, 14 февраля, № 36.

сателю, возможно, представлялись другими в объеме книги, и срок завершения работы над ней. Таким образом, приведенные выше строки редакционного объявления несомненно должны быть учтены в творческой истории «Записок из Мертвого дома».

И. А. БИТЮГОВА

ДОСТОЕВСКИЙ И Р. Р. ШТРАНДМАН

Опубликованное 14 января 1874 г. в № 2 «Гражданина» обозрение «Из текущей жизни» состоит из четырех главок. Первую из них, самую большую и представляющую художественно построенное и композиционно завершенное целое — очерк о Родиоше Ш., В. В. Виноградов приписал Достоевскому, высказав попутно предположение о принадлежности писателю и всех трех других заметок.

Очерк о Родиоше — полемический отклик на повесть В. П. Буренина («Маститого беллетриста») «Педантичная история», печатание которой началось в № 353 «С.-Петербургских ведомостей», от 23 декабря 1873 г. В повести Буренина в фельетонно-сатирических тонах рисуется образ опустившегося и спившегося, живущего на содержании дочери Жана Провиантова, который, сочетая фантастическую ложь с действительностью, рассказывает о своей молодости, о 1848 году, когда «вспыхнул вулкан революции». Он же в это время «был поглощен другим вулканом», «затоплен по горло пною лавой — вулканом любви огнедышащей Цицилии», которая вдохновила его на создание полубезумно-романтической поэмы «Шелван на развалинах мира». О конце Провиантова говорилось в продолжении повести, появившемся в № 358 «С.-Петербургских ведомостей», от 28 декабря 1873 г.: он в пьяном виде падает из окна третьего этажа и разбивается. Подчеркивая важность для Достоевского проблемы людей «сороковых годов» и приведя свидетельства о его интересе в 70-е годы к Буренину, Виноградов доказывал принадлежность Достоевскому очерка о Родиоше на основе анализа его стиля.¹

В очерке фигурируют два персонажа: главный герой очерка Родиоша Ш. и «давнишний знакомый» повествователя, «причисляющий себя с некоторой гордостью к „людям сороковых годов“». Как удалось установить, прототипом Ш. является Роман Романович Штрандман (1822—1869?),² петрашевец, один из состави-

¹ Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. с. 573—611.

² До сих пор дата рождения Штрандмана указывалась приблизительно — 1823 г., уточнена она исследователями биографии Шевченко (1 октября 1822 г.); дата смерти в литературе о петрашевцах не указывалась, но дана под вопросом в академическом сборнике сочинений Белинского и в «Шевченковском словнике» (Шевченківський словник, т. II, Київ, 1977).

телей «Карманного словаря иностранных слов...» (ч. I, 1855), привлекавшийся к расследованию, но «не подвергшийся разысканиям», критик и обозреватель, печатавшийся анонимно в конце 40-х годов, начиная с 1847 г., в «Современнике» и «Отечественных записках», а возможно и в других менее значительных изданиях,³ умерший в нищете и безвестности.

О том, что за Родиошей Ш. скрывается Штрандман, свидетельствует совпадение «краткой биографии» Родиоши, приведенной в очерке, с реальной биографией его прототипа. Родиоша родился «на берегах Невы», поступил в университет, но «протянул» только два курса и уехал на юг, в Малороссию, в качестве домашнего секретаря и компаньона большого барина. Пробы там года два, он вернулся в Петербург, занялся писательством, «прильнув к одному из тогдашних молодых литературных кружков». Некоторое время он печатал «небольшие, но живые библиографические статьи», но «случайное распадение кружка сбило его и с этой дороги»; через какое-то время он «скрылся из Петербурга, кажется в Москву», а через несколько лет снова появился. Штрандман, родившийся в Петербурге, учился в Петербургском университете вместе с В. Н. Майковым, но не окончил его по болезни и уехал вместе с князем В. М. Репниным, помещиком Полтавской губернии, в его имение Яготино как домашний учитель его дочери (здесь в 1843 г. со Штрандманом познакомился Т. Г. Шевченко⁴). Вернувшись в Петербург, он занял место письмоводителя II отделения Вольного экономического общества, а затем и IV отделения. Штрандман был известен среди петрашевцев и в кругу Белинского; тогда же он начал публиковаться (в очерке оба кружка слиты в один, а в словах о «случайном» его распадении скрыт намек на процесс петрашевцев). В середине —

³ Установлено, что Штрандманом написаны ряд разделов «Современных заметок» для «Современника» за 1847 г. — в № 3 раздел I, в № 4 заметка «По поводу статьи „О средствах к уменьшению преступлений“», в № 10 раздел II (см.: Боград В. Журнал «Современник», 1847—1866. Л., 1959, с. 62, 64, 77, 480, 485), а также «Внутренние известия» в № 3 «Отечественных записок» 1847 г. (см.: Кулешов В. И. «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века. М., 1959, с. 383). В некоторых работах, начиная с В. И. Семевского, в списке статей Штрандмана ошибочно фигурируют «Внутренние известия» из № 3 «Отечественных записок» за 1848 г. Причина путаницы — в поиске Ф. В. Булгарина, который в «Записке о цензуре и коммунизме в России», приложенной к его письму Л. В. Дубельту от 6 марта 1848 г., назвал Штрандмана автором «Внутреннего обозрения» за 1848 г., однако фразу, подтверждающую это, привел из статьи 1847 г. (см.: Голос минувшего, 1913, № 3, с. 228). При этом Булгарин обозначил приведенную им цитату из статьи как «заключительные слова», хотя они стоят почти в самом начале статьи. Из более поздних работ Штрандмана известна только статья «Лирическая поэзия последователей Пушкина» (об Н. М. Языкове) в № 2 «Московского обозрения» за 1859 г., также анонимная.

⁴ В 1847 г. на следствии по делу Кирилло-Мефодиевского братства Шевченко допрашивали о знакомстве его со Штрандманом (см.: Шевченківський словник, т. II, с. 392—393).